
Новые конфликты: архаичная современность?

ИРЕН ГЕРРМАН И ДАНИЭЛЬ ПАЛЬМИЕРИ*

Все согласны с тем, что падение Берлинской стены совпало с возникновением новых вооруженных конфликтов. Некоторые исследователи спокойно отмечают это обстоятельство, рассматривая его как объективное явление, связанное с перераспределением географических пространств, затронутых войной. Военные действия ведутся теперь в периферических регионах, которые до сих пор избегали кровавых последствий классического противоборства двух блоков, в прошлом враждебных друг другу. Как правило, утверждение о новизне, присущей современным конфликтам, используется, прежде всего, для того чтобы определить саму их природу. И здесь тон авторов становится гораздо более полемичным и субъективным, они с большим удовольствием обсуждают проблему, используя различные эпитеты, подчеркивающие новизну этого явления. Современные войны характеризуются и как «постмодернистские»¹, и как «усугубленные» и «множественные»², и как «деструктурированные»³, и как «ведущиеся за утверждение национальной самобытности»⁴, и как «этнические»⁵ (последний термин носит более спорный характер). Однако широта определений не позволяет получить четкого представления о сути перемен, которые претерпело «искусство войны», более того — оно мешает ее понять. Эти определения не обязательно противоречат друг другу, но и не дополняют друг друга, и, по всей видимости, описывают реалии, трудно совместимые между собой⁶. Тем не менее подобное обилие характеристик позволяет выделить две черты, присущие современным кон-

* Ирен Геррман (Irene Herrmann) – доктор исторических наук и лицензиат филологических наук (русская филология) Женевского университета. Специалист в области национальной самобытности и контроля над конфликтами, она руководит несколькими программами, осуществляемыми Швейцарским национальным фондом научных исследований.

Даниэль Пальмиери (Daniel Palmieri) – выпускник исторического факультета Женевского университета, он окончил также Институт международных исследований в Женеве. В МККК ведет исторические исследования.

фликтам — их разнообразие и, в особенности, новизну. Прошли те времена, когда бинарное понятие «международный вооруженный конфликт — гражданская война» можно было с большим или меньшим успехом применить к основной массе конфликтов, происходивших на Земле⁷, даже если начиная с 1945 г. наблюдалось увеличение числа внутренних конфликтов, которые стали в начале 90-х годов⁸ прошлого века преобладающими.

1 Chris Hables Gray, *Postmodern War: The New Politics of Conflict*, Routledge, London, 1997.

2 Эти два термина ввел в обращение Жан-Луи Дюфур (Jean-Louis Dufour, «Un siècle belliqueux: périodisation, comparaisons», *Espaces Temps*, 71-72-73, 1999, pp. 22 et 33).

3 Victor-Yves Ghebali, «Les guerres civiles de la post-bipolarité: nouveaux acteurs et nouveaux objectifs», *Relations internationales*, n° 105, printemps 2001, p. 38.

4 François Thual, *Les conflits identitaires*, Ellipses, Paris, 1995; Jean-Pierre Derrienic, *Les guerres civiles*, Presses de Sciences Po, Paris, 2001, pp. 71 ss.

5 Victor-Yves Ghebali, art. cit., p. 42.

6 Это чувство неясности современного положения вещей усиливается еще и тем, что слово «война», которое и так толкуется по-разному, вводится в состав понятий, имеющих к нему отдаленное или неопределенное отношение. Это и «справедливая война», и «священная война», и «экономическая война», и т.п. По вопросу определения войны см. Michel Fortmann, «Guerre», *Dictionnaire de stratégie*, publié sous la direction de Thierry de Montbrial et Jean Klein, PUF, Paris, 2000, p. 276; концепция «справедливой войны», разработанная Блаженным Августином, рассматривается в: Franco Cardini, *La culture de la guerre: Xe-XVIIIe siècle*, Paris, Gallimard, 1992, pp. 318–319, 333. Джон Киган (John Keegan) в своем труде *An History of Warfare*, Pimlico, London, 1994, p. 390 показывает, как «справедливая война» решает, в конце концов, христианскую проблему нравственности войны. «Экономическая война» подробно рассматривается в: Jean-Pierre Derrienic, *op. cit.*, pp. 49 ss.

7 Если во время «обычной» войны друг с другом сражаются граждане различных государств, то в гражданской войне принимают участие граждане одного государства. Однако четкие грани между этими двумя видами войны нередко стирались. Так, до 1914 г. и после 1945 г., когда усилилась борьба за национальное самоопределение, а затем — за освобождение от колониального гнета, имели место войны смешанного типа, которые велись членами одного и того же политического образования, но от имени новых государств, находящихся в стадии становления, или наоборот — от имени распадающихся на части империй (о полном противоречии определению характера национально-освободительных войн см: Victor-Yves Ghebali, art. cit. note 23, p. 38, а также Robert Kolb, «Le droit international public et le concept de guerre civile depuis 1945», *Relations internationales*, n° 105, printemps 2001, note 16, p. 14). Вмешательство вооруженных сил иностранных государств в гражданские войны привело к возникновению гибридного термина «интернационализированный внутренний конфликт», одним из самых ярких примеров которого в XX веке явилась война в Испании.

8 Jean-Louis Dufour, art. cit., pp. 28 ss; историческая перспектива этого процесса рассматривается в: Robert Kolb, art. cit., p. 10; статистические данные приводятся в: Michel Fortmann, art. cit., p. 279. Об этом явлении начинают говорить уже в XIX веке; см.: Gaston Bouthoul, René Carrère et Jean-Louis Annequin, *Guerres et Civilisations*, Les Cahiers de la Fondation pour les Études de Défense nationale, Paris, 1979, p. 148.

Новые конфликты: какие они?

Помимо присущей им разнородности, новые вооруженные конфликты обладают некоторыми общими для всех них чертами, благодаря наличию которых об этих конфликтах можно говорить как о типичном явлении.

- Во-первых, все современные конфликты отличаются стихийным разгулом насилия. Беспредельная жестокость и беспорядочность — вот основные слова, характеризующие поведение комбатантов. Часто мы имеем дело с разрозненными элементами, связанными крайне слабой системой командования, в некоторых случаях такой системы просто не существует. Этих людей, которые нередко вообще не входят в состав какой-либо военной структуры в подлинном понимании этого слова и выступают в качестве орудия вооруженного насилия, трудно призвать к порядку, особенно потому, что они чувствуют себя свободными от любых обязательств правового, общественного и нравственного характера и действуют, таким образом, совершенно безнаказанно в пространстве, где не существует никаких норм. Это положение усугубляется еще и теми условиями, в которых ведутся эти войны, зарождающиеся и происходящие в государствах, которые начинают распадаться⁹ или уже находятся на грани исчезновения, как, например, Сомали.
- В современных деструктурированных войнах больше не проводится различия между военной и гражданской областями. Хуже того, создается впечатление, что разрушительная сила этих войн направлена на гражданское население, более многочисленное и, по определению, более незащищенное по сравнению с военными. Гражданских лиц убивают, берут в заложники, насилюют, перемещают и изгоняют, они больше всего страдают в ходе современных конфликтов, это их тела находят в ямах, братских могилах и других местах захоронения. Смертность среди гражданского населения в 9 раз выше смертности военных¹⁰. Во время этих конфликтов гражданское население платит такую высокую цену, что возникает вопрос, не отводят ли ему воюющие стороны место, которое обычно предназначено неприятелю.
- Как это ни парадоксально, массовое истребление населения и в наши дни зачастую проводится с помощью традиционных, порой изготовленных ку-

9 I. William Zartman, (ed.), *Collapsed States: The Disintegration and Restoration of States*, Lynne Rienner, Boulder, 1995.

10 Michel Fortmann, art. cit., tableau, p. 281.

старным способом видов оружия — так было в Руанде, где людей убивали мачете, орудием, предназначенным, в принципе, для сельскохозяйственных работ. И в то же время, тем, кто ведет войну, нравится угрожать применением оружия массового уничтожения. Не выходя в настоящее время за рамки угроз, эта апокалиптическая перспектива существует благодаря техническим достижениям, накопленным в различных областях науки. Причем наибольший интерес вызывает не столько ядерный потенциал, сколько вооружения, создаваемые на основе революционных открытий в области биологии или вирусологических исследований¹¹. Эти виды оружия особенно страшны, поскольку их применение способно привести к огромным и подчас необратимым последствиям, что обусловлено отсутствием надежных средств защиты.

Наконец, при всем разнообразии способов уничтожения, которые используются в ходе современных конфликтов, предпочтение отдается другой форме проявления насилия — терроризму. За последние годы это явление стало очень распространенным, а террористические акты, произошедшие в Нью-Йорке 11 сентября 2001 г., обострили проблему — причем, до такой степени, что специалисты по вопросам безопасности теперь без колебаний ставят знак равенства между понятиями «война» и «терроризм», которые до недавнего времени были несовместимыми и отличались друг от друга такими параметрами, как интенсивность и продолжительность. Более того, в результате этого сближения терроризм теряет свою национальную окраску (терроризм армянский, палестинский, ирландский и т.п.) и становится явлением глобальным, что долгое время было свойственно только войне.

После того как в начале 90-х годов XX века двухполюсное устройство мира прекратило свое существование, на планете увеличилось количество деструктурированных конфликтов, в ходе которых страдают, главным образом, гражданские лица и используется богатый арсенал средств террора (как угроза совершения террористических актов, так и реальный терроризм). Эти войны отличаются от классических конфликтов, к которым привыкли поколения

¹¹ Призыв Международного Комитета Красного Креста (МККК) от 25 сентября 2002 г. с требованием не допустить использования достижений биотехнологии в военных целях подтверждает, насколько велика озабоченность международного сообщества этой проблемой. С текстом обращения можно ознакомиться на официальном сайте МККК: www.icrc.org/eng.

западных исследователей. Им трудно понять эти новые конфликты, провести их анализ и найти пути их урегулирования. И поэтому создается впечатление, что конфликты нового времени представляют собой явление совершенно неведомое, не имеющее никакой логической или исторической связи с теми конфликтами, которые происходили в прошлом.

Это ощущение тревожащей новизны, вполне понятное с точки зрения коллективной памяти, никак не подтверждается неоспоримыми фактами. Война как смертоносная и организованная деятельность, в которой одна группа людей противостоит другой, не была изобретена в последние годы, но представляет собой явление, восходящее к незапамятным временам. История полна примерами сражений, военной оккупации, хитроумных приспособлений для убийства. Учитывая столь длительную историю существования войн и непрекращающееся развитие методов уничтожения человека человеком, можно ли говорить, что конфликты, которые сегодня терзают нашу планету, не имели аналогов в прошлом? Иными словами, являются ли они по-настоящему новым явлением и, если идти дальше, что побуждает нас считать их таковыми?

Стихийный разгул насилия

Слова о том, что война так же стара, как и человечество, банальны и выражают очевидную истину. Однако трудно утверждать, что еще до наступления неолита *Homo sapiens* вел с себе подобными войны в строгом смысле этого слова, даже если в некоторых исследованиях по этологии¹² или психологии поведения указывается, что охота и собирательство, а также социальная организация, в которую вписывалась эта деятельность, создавали психологическую основу, на которой с большой степенью вероятности могло развиться воинственное поведение¹³.

После того как возникло земледелие¹⁴, а затем скотоводство, благодаря чему люди смогли вести оседлый образ жизни, имея постоянные источники

¹² См., в частности, работы И. Эйбль-Эйбесфельдта (Irenäus Eibl-Eibesfeldt), в том числе *Guerre ou paix dans l'homme*, Stock, Paris, 1976.

¹³ Аристотель считал, что охота и война являются двумя сходными способами приобретения, причем первое – вид второго, *La Politique*, I, 8, 3e édition par Jean Tricot, Vrin, Paris, 1977, p. 595. См. также Franco Gardini, *op. cit.*, p. 416.

¹⁴ На этот счет существует множество теорий. Большинство исследователей разделяют точку зрения, изложенную в настоящей статье. Однако некоторые из них, например, I. Eibl-Eibesfeldt, *op. cit.*, pp. 311–313, ее отвергают.

ресурсов, вооруженные конфликты, в ходе которых одна группа населения противостояла другой, стала неотъемлемой частью обыденной жизни, о чем свидетельствует появление жилищ, оборудованных оборонительными сооружениями. Эти укрепления должны были защищать с большим трудом добытое или произведенное имущество от людей, которые жили грабежами. Если верить Джону Кигану¹⁵, зарождение войн было обусловлено грабительскими набегами, совершаемыми людьми, стремящимися завладеть чужим имуществом («неимущими»), на тех, кто им владел («имущих»), и стремлением последних защититься. Эти воинственные настроения усиливались по мере того, как расширялась территория, на которой действовали грабители, чья активность особенно возросла с появлением одомашненных лошадей¹⁶. Теперь война все чаще выливается в противостояние цивилизации городов и цивилизации степей¹⁷. При этом первая порождала в некоторых случаях целые империи, а вторая на протяжении тысячелетий упорно отказывалась от каких-либо государственных институтов.

Частные войны

Одним из последствий все возрастающего давления со стороны тех, кого мы назвали «неимущими», стало крушение многих — созданных «имущими» — империй¹⁸, в частности, Римской империи. Нашествия варварских орд заставили пересмотреть политическую организацию общества и привели цивилизацию Запада к дроблению светской власти, а затем и к созданию феодальной системы¹⁹. В ходе этого процесса не только формировались великие европейские монархии, но и возникало великое множество самостоятельных княжеств. В рамках этой весьма схематично изображенной системы сильные государства встречаются редко; большей частью это крохотные образования, находящиеся под властью сеньоров, цели которых меняются в зависимости от обстоятельств.

На фоне запутанных отношений между сеньорами и вассалами насилие все чаще выступает как самый простой способ расширить свои права и

15 John Kegan, «A brief History of Warfare – Past, Present, Future», G. Prins, H. Tromp (eds.), *The Future of War*, Kluwer Law International, The Hague, 2000, pp. 171 ss.

16 См. Gaston Bouthoul et alii, op. cit., pp. 69 ss.

17 Это не означает, что города не воевали друг с другом: достаточно вспомнить «Илиаду» Гомера.

18 См. John Keegan, «A brief History...», art. cit. p. 174.

19 Guy Hermet, *Histoire des nations et du nationalisme en Europe*, Seuil, Paris, 1996, pp. 29 ss.

заставить окружающих уважать их. Этими особыми общественно-политическими отношениями в Средние века было порождено множество конфликтов, которые нередко переходили в частные войны. Воспринимаемая как средство политического самоутверждения того или иного частного лица или его рода, война превращается в основной вид деятельности знатных людей, а отсюда — в настоящее коммерческое предприятие, руководить которым вскоре поручается военным предпринимателям — кондотьерам. Во время боя, как правило, соблюдаются некоторые правила (их называли рыцарскими), направленные на минимизацию потерь — как в живой силе, так и материальных — которые могут понести те, кто командует этим боем, поскольку оружие, лошади и солдаты составляли, как правило, весь капитал кондотьера. Задача обычно заключалась не в том, чтобы уничтожить неприятеля, а в том, чтобы подчинить его и получить выкуп за захваченных в плен неприятельских военачальников. Военные действия в значительной мере сводились для их главных участников к захватывающей игре и нередко были сопряжены с переходом на сторону неприятеля, различными хитроумными комбинациями, сменой союзников и предательством.

Наемники, на которых опирались военачальники, часто позволяли себе применение именно таких методов. Наемников обычно вербовали среди представителей маргинальных слоев общества. Младшие сыновья из бедных семей, искатели приключений или просто нищие, они были особенно строптивыми, а их поведение — непредсказуемым. Им платили за то, чтобы они воевали, однако их желание «повоевать» сильно ослабевало, когда жалование задерживалось. Неудивительно, что эти разношерстные армии были непрочными, ненадежными и непостоянными, их личный состав готов был продаться любому, кто заплатит больше, и дезертировать при малейшем осложнении на поле боя. Они были способны проявлять необыкновенную жестокость и при этом не испытывали никаких угрызений совести. Наемники из районов, образующих современную Швейцарию, долгое время олицетворяли собой наемное войско как таковое и были известны своей жестокостью и полным непризнанием кодекса чести, блюсти который были обязаны рыцари²⁰.

²⁰ Долгое время гельветы отказывались называться швейцарцами (это прозвище было дано им их врагами — австрийцами), потому что тем самым они уподоблялись швицам (Schwytzois), слышущим очень жестокими людьми. См. Claudius Sieber-Lehmann, *Spätmittelalterlicher Nationalismus. Die Burgunderkriege am Oberrhein und in der Eidgenossenschaft*, Vandenhoeck & Ruprecht, Göttingen, 1995, pp. 204 ss.

Война без политики

Ожесточение женеvских эйдгенотов — выходцев из слоев купечества и предпринимателей — объясняется, прежде всего, тем, что они вели себя скорее не как профессиональные военные, а как гражданские лица, доведенные до крайности. Такое встречалось нередко, и Средние века отмечены памятными сражениями, в которых самое активное участие принимали бюргеры²¹. Они нередко происходили из городов, обладавших определенной степенью независимости, и были зажиточными людьми, что находило свое отражение в их административной власти. Поэтому они были кровно заинтересованы в успехе на поле боя. Организованные в отряды ополчения, в которых они и обучались, они преднамеренно не соблюдали рыцарские нормы поведения, чего от них и не требовалось в силу их принадлежности к третьему сословию. Именно под их влиянием такие методы ведения боя как засады, военные хитрости, а также использование всех видов метательного оружия, дотоле рассматривавшиеся как вероломство, вынужденно становятся необходимыми для победы. Более того, эйдгеноты привнесли в ведение войны свирепость, особо примечательную тем, что от нее страдали не только аристократы, но и представители простого сословия, например торговцы-конкуренты, а также идеологические противники.

Жестокость сражений, в которых участвуют эти «гражданские воины» обусловлена их движущими мотивами. Как и цели рыцарей, их цели могли носить политический характер, но зачастую являлись более дальновидными: эйдгеноты стремились не столько к завоеванию новых территорий, сколько к сохранению собственных привилегий, которых могли навсегда лишиться в результате поражения. Как и в случае с наемниками, участие эйдгенотов в войнах может иметь материальную подоплеку. Но и здесь они не ограничиваются простым получением жалованья или части добычи. Начатые ими военные действия направлены порой на то, чтобы получить доступ к обширным рынкам, захватить ресурсы, приносящие доход, уничтожить конкурентов, не говоря уже о том, чтобы просто установить контроль над торговыми путями.

Самые безжалостные, самые необъяснимые войны, которые зачастую происходят в границах одной и той же страны, вызываются помимо экономических факторов, непримиримыми идеологическими разногласиями. Различие во взглядах редко действительно лежит в основе конфликтов — оно слу-

21 Franco Cardini, *op. cit.*, pp. 56 ss.

жит для прикрытия истинных интересов тех, кто их развязывает. Однако после того как большая часть участников конфликта воспримет такое идеологическое обоснование, оно становится сутью сопротивления, упорство которого возрастает по мере того, как эти идеи овладевают сердцах воюющих. Войны, ведущиеся в защиту религиозных идей, являются примером жестокости и хаоса, к которым может привести противостояние, продиктованное личными убеждениями или ощущением правоты своего дела²². Основными жертвами таких конфликтов, когда проявляются самые темные стороны человеческой души и когда неразберихе сопутствует жестокость, становятся обычно массы безоружных людей.

Гражданское население приносится в жертву

По сути, в этом утверждении нет ничего необычного. Вне всякого сомнения, не было ни одного конфликта, который бы не причинил вреда тем, кто никакого отношения не имеет к боевым действиям, т.е. гражданским лицам. Однако потери среди этой преобладающей и одновременно наиболее уязвимой, — поскольку у этих людей нет оружия и какой-либо военной подготовки — части населения существенно менялись в зависимости от эпохи, а также от природы конфликтов, которыми были вызваны эти потери.

Грабежи

В античные времена грабежи нередко были целью военных походов, которые предпринимались для обогащения тех, кто ими руководил, что обеспечивалось захватом чужого имущества и даже чужих тел²³. Рыцарские войны, основной своей целью имевшие расширение территории и усиление власти подчиняющего их себе сеньора, итогом чего явилось бы процветание последнего, которые, казалось бы, велись с уважением неприкосновенности гражданских лиц, всё же неблагоприятно сказывались на положении населения. И не потому, что оно подвергалось преднамеренному преследованию и истреблению, а потому, что содержать войска — дело дорогое, и эта дороговизна была одной из причин, побуждавших военачальников разрешать грабе-

²² Эти конфликты стали происходить значительно раньше т.н. религиозных войн XVI века. Свидетельством тому является крестовый поход против катаров, имевший место в XIII веке.

²³ См. Pierre Ducrey, *Le traitement des prisonniers de guerre dans la Grèce antique. Des origines à la conquête romaine*, Éditions de Broccard, Paris, 1968.

жи. Первыми жертвами этого жестокого способа материального снабжения войск становились крестьяне, чьи поля имели несчастье оказаться на пути вооруженных отрядов²⁴, разграбление покоренных городов и сел было своего рода компенсацией за страдания и утомление воинов. Оно также служило средством, позволявшим предотвратить попытки мятежа.

Наемничество не только не покончило с этой практикой, наоборот — оно способствовало ее распространению. Профессиональные солдаты, как и все остальные, кормились за счет местных жителей. В своих мемуарах швейцарец Ули Бреккер рассказывает об этом обычае; его свидетельство, хоть и запоздалое, актуально для всех времен: «Во время походов — разумеется, по неприятельским землям — каждый набивал свой ранец всем, что попадало ему под руку: мукой, репой, картошкой, курами и утками; а тех, кто ничего не смог прибрать к рукам, осмеивали... Надо было слышать вопли, которые сопровождали нас, когда мы проходили по деревням: это были крики женщин и детей, гоготание гусей и визг поросят. Мы тащили все, что можно было унести. Ни одна живая душа не смела этому противиться, если офицер давал нам разрешение или, по крайней мере, закрывал на наши действия глаза»²⁵. Кроме того, часть награбленного нередко выдавалась в качестве жалования, что служило вознаграждением за оказанные услуги, а также являлось стимулом сражаться еще более доблестно. Заниматься грабежом разрешалось иногда и в мирное время, чтобы занять и успокоить временно оказавшиеся не у дел войска кондотьеров²⁶.

Безразличие к участи гражданских лиц

Почти узаконенные грабежи часто доставляют все большие страдания их жертвам. Малейшее сопротивление, любое проявление недовольства могут превратить вооруженного человека в насильника и убийцу, особенно когда он считает, что может действовать безнаказанно²⁷. Терпимость военачальников по отношению к преступлениям, совершаемым победителями против побежденного населения, вписывается в рамки мышления, допускающего ни-

24 Franco Cardini, *op. cit.*, p. 428.

25 Uli Bräker, *Le pauvre homme du Toggenbourg*, Éditions d'Age d'homme, Lausanne, 1985, pp. 149–150.

26 Franco Cardini, *op. cit.*, p. 165.

27 Osmân Agha Temechvar, *Prisonnier des infidèles. Un soldat ottoman dans l'Empire des Habsbourg. Récit traduit de l'ottoman, présenté et annoté par Frédéric Hirzel*, Actes Sud, Paris, 1998, p. 39.

чтожность вилланов или, по крайней мере, их земной жизни. Это приводит порой к тому, что в ходе того или иного конфликта гражданские лица несут огромные потери.

Отметим, что во время идеологических конфликтов мирное население платит еще более высокую цену. Удивляться тут нечему: в ходе такого противоборства любой человек, исповедующий другую веру, считается врагом. И в этом случае не обязательно уметь нападать или защищаться: достаточно просто существовать. В результате, борьба с идеологическим противником, переубедить которого нет физической или психологической возможности, приводит к его уничтожению. С середины XVI столетия и до середины XVII века в Западной Европе бушевали жестокие войны, направленные на разрешение религиозных вопросов, порожденных реформацией. Эта беспощадная борьба, которая велась на территории Священной Римской империи германской нации, стала настоящей катастрофой для ее народов: на завершающем этапе, вошедшем в историю под названием Тридцатилетней войны, она приняла форму чудовищной массовой резни, от которой Германия смогла оправиться только спустя двести лет. С 1618 по 1648 год на этих землях была истреблена половина крестьянского населения; в целом же в странах Центральной Европы число погибших в этот период составляет около 8 миллионов человек²⁸. Исключительные масштабы людских потерь объясняются роковым сочетанием различных факторов. К ужасам и разрушениям, совершаемым воинами, охваченными мессианским рвением (типичным явлением конфликта с идеологической подоплекой), добавились бесчинства, творимые бандами почти бесконтрольных и жадных на добычу наемников. Более того, использование этого явления в военных и политических целях только усугубляло страдания мирного населения.

Политический вес людских страданий

Связь между жертвами среди гражданского населения и политикой не была тогда чем-то новым. Еще греки считали, что при определенных обстоятельствах — и даже в нарушение своих законов — при взятии города было желательнее умертвить его граждан²⁹. Эта практика, возникшая в результате

²⁸ J.F.C. Fuller, *La conduite de la guerre de 1789 à nos jours*, Payot, Paris, 1990, p. 11; Philippe Masson, *L'homme en guerre 1901–2001: de la Marne à Sarajevo*, Éditions du Rocher, s.l., 1997, pp. 88–89.

²⁹ Pierre Ducrey, *Guerre et guerriers dans la Grèce antique*, Office du Livre, Fribourg, 1985, pp. 243 ss.

невозможности отличить обороняющихся воинов от некомбатантов, закрепились в последующие века. Во многих случаях эти действия отличались особой жестокостью, потому что победители, не удовлетворяясь истреблением мужчин, способных носить оружие, убивали также женщин, стариков и детей. И хотя эта возросшая степень жестокости соответствовала бытовавшим при старом режиме (до Великой французской революции 1789 г.) взглядам на ценность человеческой жизни, нельзя сказать, что она была беспричинной. Воюющие быстро поняли, какую роль могут играть страдания представителей низших сословий, когда нужно выиграть войну. Некоторые из них без колебаний прибегали к массовому уничтожению людей как к законному средству достижения целей чисто политического характера. Особенно преуспел в этом Людовик XIV. Несомненно учитывая опыт Тридцатилетней войны со всеми ее ужасами и, возможно, следуя примеру Югурты³⁰, он решил ускорить ход событий и, не ограничиваясь успехами, достигнутыми на поле боя, приказал постоянно грабить население тех областей, чьих правителей он хотел себе подчинить. Излюбленным методом этой кровавой тактики стали печально известные драгонады — кровавые преследования, которым подвергал этот французский монарх своих подданных-протестантов³¹. В 1689 г. он захватил и разграбил курфюршество Пфальцское, не оставив там камня на камне и возродив тем самым довольно древнюю тактику выжженной земли. Эта тактика была призвана обеспечить его господство в Пфальце, но выгоды, которые она принесла применившему ее королю, не идут ни в какое сравнение со страданиями и смертью мирного гражданского населения, оказавшегося заложником военных интересов.

Таким образом, несмотря на устоявшиеся рыцарские традиции, нередко именно мирные жители становились основными жертвами конфликтов. Эта тенденция усилилась в XVII веке, когда из 12 миллионов погибших в ре-

30 Саллюстий писал: «Тогда (Югурта) решает вести кампанию не путем боев и сражений в сомкнутых боевых порядках, но иначе. Со своими воинами он проникает в самые богатые области Нумидии, уничтожает посевы... приказывает истребить всех жителей, способных носить оружие, а остальных отдает на расправу своим солдатам...» (*La guerre de Jugurtha*, trad., introd. et notes de François Richard, Paris, Garnier-Flammarion, 1968, p. 110).

31 См., напр., «Copie d'une lettre écrite par le Sr Thomas Bureau de Niort en Poitou, le 30e Aoust 1685 л son fr[è]re marchand libraire л Londres», cit[é]e par Bernard Cottret, *Terre d'exil. L'Angleterre et ses r[é]fugi[és] français et wallons, de la R[é]forme з la R[é]vocation de l'édit de Nantes, 1550–1700*, Aubier, Paris, 1985, pp. 305–307.

зультате войн около 75% составляли гражданские лица³². Конечно, Европа переживала тогда бурные времена, отмеченные кровавой борьбой идеологического характера. Кроме того, воюющие вновь открыли для себя, как выгодно нападать на гражданское население, не способное должным образом защитить себя и свое имущество. Это явление не только свидетельствует о жестокости нравов, но и со всей беспощадностью показывает, что жизнь наиболее уязвимых групп населения можно было отнять в угоду безжалостной военной логике, в соответствии с которой цель всегда оправдывает средства.

Средства ведения войны

Человек всегда проявлял большую изобретательность, чтобы покорить себе подобных. Возможно, именно в искусстве войны и разрушения творческий дух человека проявил себя наиболее ярко, даже если впоследствии полученные таким образом результаты использовались в менее воинственных целях. Несмотря на эту неиссякаемую изобретательность, а может быть, и благодаря ей, средства ведения войны существенно менялись в зависимости от того, кто ими пользовался и против кого они были направлены. И хотя при всем разнообразии ситуаций уже со времен ранней античности можно было определить основные категории воюющих и их жертв, в области вооружений отмечается существенный прогресс.

Оружие психологического действия

Чувство страха, вызываемое у жертвы одной лишь мыслью о последствиях применения первых, довольно примитивных, видов оружия — меча, дубинки, вил, — было способно многократно усилить их действие. Еще с незапамятных времен и те, кто нападал, и те, кто оборонялся, подметили, сколь велико для исхода сражения значение психологической составляющей. Даже в случае столкновения войск, состоящих из опытных воинов, победа принадлежала тому, кто проявлял больше решимости и испытывал меньше страха³³. Воюющие быстро поняли, какую выгоду можно извлечь из паники в рядах противника. Задача состояла в том, чтобы быстро парализовать волю неприятеля, показав ему, какая ужасная перспектива его ждет, если он откажется

32 Andr[é] Corvisier, *La Guerre. Essais historiques*, PUF, Paris, 1995, p. 172, cit[é] par Michel Fortmann, art. cit., p. 281.

33 Peter Englund, *Poltava, chronique d'un désastre*, Esprit ouvert, Stockholm, 1999.

сложить оружие. Эта тактика широко использовалась военными, причем принимала самые разнообразные формы. Иногда ограничивались непрямыми угрозами, например, демонстрацией силы, показывая этим, что сопротивление может привести к побоищу. Чаше, когда силы противников были более или менее равны или один превосходил по силе другого, последний пытался повлиять на неприятеля, ясно показывая ему те страдания, которые могут ожидать каждого из его солдат, чтобы вызвать у них коллективный страх и тем самым подорвать их боевой дух. К примеру, во время крестовых походов с помощью катапулт головы казненных пленных забрасывались в лагерь противника. Убойная сила подобных «бомб» была невелика, но в душах солдат, которые узнавали останки своих бывших товарищей, такая атака оставляла глубокий след³⁴.

Эта практика, направленная на то, чтобы подавить желание сопротивляться у солдат-наемников, оказалась не менее эффективной и в отношении наиболее упорных гражданских лиц и стала составной частью арсенала средств, используемых для укрощения мирных жителей. Во время борьбы с альбигойцами, вина которых состояла в исповедании ереси, нередко в людей, считавшихся мятежниками, бросали отрезанные человеческие ступни, показывая, что их ждут боль, пытки, медленная агония и смерть³⁵.

Однако запугивание может быть эффективным лишь при условии обладания соответствующим оружием, которое способно причинить врагу максимум страданий в кратчайшие сроки, не создавая при этом опасности для тех, кто его применяет, — такая цель стояла перед изобретателями средств ведения войны, причем исследования велись в двух дополняющих друг друга направлениях: во-первых, следовало все более совершенствовать уже имеющиеся виды оружия, а во-вторых, добиваться концептуального и практического разнообразия вооружений.

Бактерии и артиллерия

Одновременно с развитием методов психологического давления на противника совершенствовался и постоянно пополнялся арсенал традиционного боевого оружия, предназначенного для истребления противника и граж-

34 См., напр., Amin Maalouf, *Les Croisades vues par les Arabes*, J'ai lu, Paris, 1985, p. 41.

35 Зоз Ольденбург (Zoz Oldenbourg) красноречиво описывает эти ужасы в своей книге *Les bûchers de Montségur: 16 mars 1244*, Gallimard, Paris, 1959.

данского населения. На протяжении многих веков велись эксперименты с такими средствами уничтожения, которые сегодня можно определить в качестве химического или бактериологического оружия³⁶. Наиболее простым, но весьма действенным являлось использование смертоносных возможностей самой природы: ядов, неизлечимых болезней, отравляющих газов... Практиковалось отравление колодцев путем сбрасывания в них трупов животных и корней морозника — ядовитого растения, содержащего сердечные гликозиды, — стрельба отравленными стрелами и забрасывание в лагерь противника трупов людей, умерших от чумы³⁷. Впоследствии стали использоваться удушающие свойства серы, ртути, скипидара, нитратов и других веществ.

Но самые большие достижения были сделаны в области т.н. обычных вооружений, причем они были настолько ошеломляющими, что вызывали беспокойство у великих мыслителей христианского мира, видевших в них ужасную опасность, угрожающую самому существованию человечества. Особенную озабоченность у представителей духовенства, вызывало ставшее со времен раннего Средневековья весьма распространенным применение луков, в связи с чем делались ссылки на Библию, где говорится о «стрелах демонов»³⁸. В XII—XIV веках рыцари, которые и так не очень приветствовали все более широкое использование метательного оружия (копий и дротиков), вынуждены были столкнуться с новым, значительно более смертоносным оружием — арбалетом³⁹. Использование арбалета сразу стало считаться вероломством, ведь он обладал такой убойной силой и вызывал настолько серьезные потери, что Вторым Лютеранским собором было запрещено применять это

36 См., в частности, работы Научно-исследовательского центра в Шпице.

37 Попытки заразить противника какой-либо болезнью наблюдались на протяжении всей истории. Иногда они приводили к весьма трагическим событиям, примером которых может служить осада г. Каффы (1347), когда после трехлетней осады города, удерживаемого генуэзцами, монголы стали забрасывать за городские стены с помощью катапульт тела своих собственных солдат, умерших от чумы. Паразиты — крысиные блохи, — переносившие эту болезнь, заразили генуэзцев, которые в конце концов покинули Каффу, но занесли заразу на Сицилию и Сардинию, а также в Венецию, Геную и Марсель, откуда и пошла Великая чума. Таким образом, тактика, использованная монголами, превзошла все ожидания!

38 Цитируется Франко Кардини (Franco Cardini), *op. cit.*, p. 61.

39 Считается, что арбалет на 50% смертоноснее обычного лука. См. таблицу Т.Н. Дююи, которая приводится в книге Лорана Муравьёка (Laurant Murawiec), *La guerre au XXIe siècle*, Odile Jacob, Paris, 2000, pp. 74–75.

оружие во всех случаях, кроме битв с неверными⁴⁰. Впрочем, западные правители проигнорировали этот запрет и, осознавая то преимущество, которое давало им применение арбалетов, активно вооружали ими свои войска.

Новым достижением явилось использование с XIV века в военных целях пороха, ранее применявшегося лишь для праздничных фейерверков. Поначалу пушки — пищали — изготавливались из чугуна и нередко разрывались, представляя тем самым бóльшую опасность для солдат, которые их обслуживали, чем для тех, на кого были направлены. И только в XVI веке пороховая артиллерия стала превосходить по точности поражения оружие с рычажной системой, среди которого главенствующее место занимал арбалет, что коренным образом изменило концепцию конфликта. Появление нового оружия, на этот раз порохового, не могло не вызывать обеспокоенности у современников, которые выступали с осуждением дьявольского изобретения, способного калечить на расстоянии и наносить ущерб, несоизмеримый с военной необходимостью.

Военные хитрости и террор

Однако этим арсеналом могут распоряжаться не все потенциальные участники военных действий: подобной возможности лишены обедневшие отважные полководцы, представители различных групп, считающие, что их интересы ущемлены, простые искатели приключений. Они без колебаний прибегают к неблагоприятным и в то же время недорогим средствам, стремясь совершенствовать не оружие, а способы ведения конфликтов. Иными словами, они используют новые тактические решения, направленные на то, чтобы вызвать страх и общественный резонанс, необходимые для победы над противником. К несчастью для рыцарей, военная хитрость укоренилась в качестве метода ведения войны. К ней часто прибегали приальпийские крестьяне, а также войско под командованием коннетабля Бертрана Дюгеклена, чтобы нанести поражение противнику как на поле боя, так и внутри крепостей,

⁴⁰ Это различие по-прежнему соблюдалось и в конце XIX века, когда было запрещено применение взрывчатых пуль: запрет касался только войны «между цивилизованными народами» и не распространялся на военные действия, ведущиеся против «туземцев». См. Декларацию об отмене употребления взрывчатых и зажигательных пуль. (Международное право: Ведение военных действий: Сборник Гаагских конвенций и иных соглашений. М.: МККК, 1999).

считавшихся неприступными⁴¹. Некоторые стали использовать эту тактику более избирательно, пытаясь уничтожить противника, убивая его вождей. Пионерами ведения такой войны стали многочисленные последователи секты ассасинов⁴². Убийцы — в том числе царубийцы — совершают множество громких деяний, последствия которых чаще всего эфемерны: лишение монарха жизни лишь в отдельных случаях изменяет течение войны и является обычно жестом отчаяния, который свидетельствует об острой нехватке средств, позволяющих победить в честном бою.

Религиозные войны, а затем Тридцатилетняя война позволили выявить эффективность технических и тактических нововведений. Результат, естественно, превзошел все ожидания — даже самые пессимистические. Целые страны были опустошены, истреблены царствующие фамилии, регулярные армии состояли из изнуренных постоянными битвами солдат. Общая картина разорения, которую представляла собой Европа в конце XVII века, усугубляется аномально холодным периодом — т.н. малым ледниковым периодом, уничтожившим результаты мучительных попыток восстановить разрушенное. Была ли это всеобщая усталость? Или обостренная реакция на ужасы войны, а может, стечение обстоятельств? Как бы то ни было, начало XVIII века совпадает с глубокими изменениями, которые переживает искусство войны. Война остается жестокой и кровопролитной, но ее пытаются ввести в определенные рамки, устанавливают порядок ее ведения, определяют объекты, на которые можно совершать нападения, и допустимые средства. Европейцы наконец нашли более гуманные способы истреблять друг друга⁴³.

К гуманизации войны?

Вестфальский мирный договор 1648 г. не только положил конец длившейся почти сто лет беспрецедентной бойне, но и стал отправным пунктом в процессе усиления европейских государств. Франция, Англия, Австрия, Прус-

⁴¹ Прекрасным примером использования военной хитрости швейцарскими конфедератами может служить битва у горы Моргартен в ноябре 1315 г. В нарушение всех существовавших в то время обычаев войны швейцарские горцы нанесли удар по отряду австрийской кавалерии, оказавшемуся в теснине близ горы Моргартен, сбросив на неприятеля заранее приготовленные для этого камни и бревна. Эта победоносная тактика использовалась также и во время битвы при Нефельсе (9 апреля 1388 г.).

⁴² См. «Assassins» dans *Histoire M di vale*, n  21, septembre 2001.

⁴³ См. Vincent Desportes, *Comprendre la guerre*, Economica, Paris, 2000, p. 142.

сия и Россия стремятся упрочить свои административные структуры и территориальные основы. Эти перемены предполагают реорганизацию военного дела и его главного инструмента — армии. Предпринимаются усилия с целью повышения эффективности войск⁴⁴ путем пересмотра стоящих перед ними задач и постановки новых целей, укрепления воинской дисциплины, упрощения отношений между сюзеренами и вассалами. В войсках устанавливается четкая система подчинения; главнокомандующим теперь обычно является монарх. Это способствует укреплению его власти над тем или иным регионом и даже над целой страной⁴⁵. Реформирование армий европейских государств не прекращается и с победой революции во Франции. Напротив, падение Бастилии приводит к все большему единению гражданского населения — народа — и армии, призванной защищать страну и ее народ.

Новый виток вооруженных конфликтов после некоторого периода относительного спокойствия возникает в XIX веке. В это время почти вся Европа охвачена патриотическими настроениями, обусловившими в ряде стран возникновение национального движения. Народы, вдруг осознавшие свое этническое и культурное своеобразие, выступают за выделение из состава империй относительно небольших независимых геополитических образований. Это выразилось в вооруженных выступлениях против тех, кто должен был приводить в действие механизмы военного самоопределения, и нарушило движение этих механизмов. ...Почти сто лет спустя антиколониальное движение, переросшее в войны за национальное освобождение, аналогичным образом нарушит традиционный уклад жизни мирного населения.

Разработанные на основе трудов некоторых юристов-гуманистов, которые сами развивали вековые традиции Церкви, стремившейся ограни-

⁴⁴ Появление в начале XVII века военной формы, а затем ее повсеместное внедрение, явилось результатом таких усилий по повышению эффективности войск. Форма помогла отличить в неразберихе боя свои войска от сил неприятеля, одновременно способствуя осознанию солдатами своей принадлежности к однородной группе людей.

⁴⁵ Церковь, кстати, сыграла существенную роль в этом процессе, который, еще не достигнув своего апогея (это произошло только веком позже), заложил основу для развития государства-нации. См. по этому вопросу Liah Greenfeld, *Nationalism: Five Roads to Modernity*, Harvard University Press, Cambridge (Mass.), London, 1992; по вопросу связи между процессом укрепления армии и созданием государства-нации см. тр. Чарльза Тилли (Charles Tilly), в частности, *Coercion, Capital and European States: AD 990–1992*, Cambridge (Mass.), Oxford, B. Blackwell, (rпd.) 1995.

чить разрушительные последствия войн⁴⁶, подпитанные рационалистической мыслью эпохи Просвещения, нормы, которые стали преобладать во взаимоотношениях между армиями после кровопролитных войн XVII века, действительно содержали жесткие ограничения, ставящие заслон на пути распушенности солдат. По крайней мере, в наиболее пострадавших в прошлом от военных действий местах⁴⁷ делаются попытки ограничить территорию, где ведутся боевые операции, только полем боя, и щадить, насколько это возможно, гражданских лиц, которые порой превращаются в пассивных наблюдателей сражений. Дело в том, что конфликт теоретически превращается в своего рода игру стратегии⁴⁸ и маневрирования, которая, оставаясь порой чрезмерно кровопролитной⁴⁹, должна все же причинять ущерб (причем как можно меньший) только тем, кто был подготовлен для активного участия в ней. Выражение «война в кружевах», которое относится к военным действиям XVIII столетия, как нельзя лучше отражает состояние духа, в котором воюющие шли в бой.

Гражданские лица снова втягиваются в войну

Однако в начале нового исторического периода события, происходившие в революционной Франции и, особенно, в наполеоновскую эпоху, изменили эту картину. Размах, который приобретают войны, ведущиеся во имя торжества республиканской этики, требующей платить «налог кровью», не остается без последствий для гражданского населения. Сменяющие друг друга правительства распространяют воинскую повинность на весь народ. Политика Бонапарта, направленная на расширение границ его государства и вынуждавшая великие европейские монархии вступать в союз друг с другом, чтобы противостоять ему, приводит к расширению практики призыва на во-

46 Franco Cardini, *op. cit.*, pp. 320 ss. Автор анализирует роль, которую Церковь играла с XI века в деле ограничения последствий частной войны, установив с этой целью «божий мир» (*Pax Dei*) и «божие перемирие» (*Tregua Dei*).

47 Вопреки распространенному мнению, кровопролитные столкновения, спровоцированные Тридцатилетней войной, не приводят к снижению все возрастающей смертности среди гражданского населения, просто центр тяжести переносится в районы, в которых до этого военные действия не велись.

48 «Сейчас мы воюем скорее как лисы, а не как львы...», – писал в 1677 году граф д'Оррери, слова которого приводятся в J.F.C Fuller, *op. cit.*, p. 18.

49 Как это было во время битвы при Кунерсдорфе (в наст. вр. Куновице) 12 августа 1759 г., когда сражавшаяся с войсками российско-австрийской коалиции 50-тысячная армия прусского короля Фридриха II за несколько часов потеряла более 93% своего личного состава.

енную службу. Отныне любой мужчина, достигший возраста, когда можно носить оружие, может быть призван служить своему отечеству и умереть за него. Чем более жестоким является конфликт, тем больше мужчин определенного возраста погибает в этом конфликте. Поэтому новая политика имеет серьезные последствия для гражданской сферы, у которой она отнимает жизненные силы. Понятно, что люди не в состоянии заниматься свойственной им деятельностью, способствующей всеобщему процветанию, если они призваны выполнять свой воинский долг. Большинство конфликтов, имевших место за последние двести лет, нанесли, таким образом, огромный ущерб экономике разных стран и вызвали серьезные людские потери, что отразилось на жизни целых поколений⁵⁰.

Кроме того, масштабы и продолжительность военных действий усугубляют ущерб, вызванный потерями среди мужского населения. В соответствии с логикой, государства-нации, все члены общества должны работать на войну, особенно если они принадлежат к побежденному лагерю и подчиняются воле державы-победительницы. У жителей завоеванных территорий конфискуют, реквизируют и отнимают плоды их труда для снабжения им неприятельской армии. Эта практика, получившая наиболее широкое распространение во время захватнических войн, происходивших в Европе в начале XIX века и в первой половине XX века, принесла неисчислимые страдания ограбленному таким образом населению. То, что во время наполеоновских кампаний было всего лишь анархической и жестокой формой материального снабжения войск, превратилось в период Второй мировой войны в организованное ограбление аннексированных государств, имевшее целью не только содержать и обогащать победителей, но и подавлять побежденных, истощать их физически и морально.

Во время Второй мировой войны деморализация гражданского населения была одной из основных целей военных действий. Нацисты не останавливались ни перед чем, подавляя с помощью запугивания и террора малейшие попытки выразить недовольство их режимом⁵¹. Вооруженные силы союзников, не столь часто проявлявшие жестокость по отношению к немецкому населению, иногда все же совершали варварские акты. Так, они подвергали бомбардировкам города, расположенные на большом расстоянии от линии фронта; в результате этих воздушных налетов страдало городское

50 Franco Cardini, *op. cit.*, pp. 190 *et passim*.

51 Vincent Desportes, *op. cit.*, p. 145.

население, которое было не в состоянии сколько-нибудь надежно защитить себя. Здесь эффективность истребления сочетается со зрелищностью, поскольку ставилась задача не только превратить города в развалины, но и посеять страх и пораженческие настроения, внушив ужас противнику. Достаточно вспомнить фосфорные бомбы, с помощью которых был разрушен Дрезден, или атомное оружие, примененное против Хиросимы и Нагасаки. В каждом из этих случаев цели, добиться которых стремились военные, прибегая к массовому истреблению гражданских лиц, были достигнуты, так как использование подобной тактики позволило добиться прекращения военных действий. Однако та чудовищная цена, которую пришлось заплатить в человеческих жизнях, по всей видимости, значительно превышает цену мира. Если на рубеже XVIII и XIX веков потери среди лиц, не принимавших никакого участия в сражениях, составляли 30% от общего числа погибших, то в 1939–1945 гг. их доля увеличилась в два раза. Несколько снизившись после 60-х годов, за последние десять лет этот показатель резко возрос и составил 90%⁵²!

Технический прогресс

Обладание оружием страшной разрушительной мощи обусловило необходимость значительного усовершенствования уже существующих вооружений. Относительная «гуманизация» конфликтов на закате старого режима вовсе не истощает изобретательность оружейников, наоборот — она стимулирует ее и открывает перед ней новые перспективы. Так, некоторые изобретения были направлены на то, чтобы не подвергать неприятельских солдат излишним страданиям. Этой задаче соответствовала, например, получившая большое распространение с конца XIX века 8-миллиметровая нарезная винтовка, обеспечивающая высокую начальную скорость пули. Вылетающая из ствола стерильная пуля считается «гуманной», так как она должна наносить лишь легкие раны, которые быстро заживают⁵³. Однако, вопреки всем ожиданиям и к великому удивлению военачальников, оказалось, что лица, получившие пулевые ранения, а также колотые и резаные раны, составляют лишь небольшую часть от всех учтенных потерь, поскольку три четвертых всех полученных ранений причиняются осколками снарядов или шрапнелью⁵⁴. Сле-

52 Andr  Corvisier, *op. cit.*, cit  par Michel Fortmann, art. cit., p. 281.

53 Philippe Masson, *op. cit.*, p. 104.

54 *Idem*, p. 105.

дует признать, что усилия, предпринимаемые в этом плане, направлены в большей степени не на то, чтобы смягчить жестокость сражений, а на то, чтобы удалить зрелище причиняемого ими ущерба. Поэтому решающую роль во время военных действий начинает играть тяжелая артиллерия, причем эта роль возрастает с годами, благодаря постоянному усовершенствованию таких параметров, как огневая мощь, простота обращения с боеприпасами и скорострельность. Использование холодного оружия и рукопашный бой постепенно отходят на второй план, уступая место все более широкому применению смертоносных возможностей газов и авиации. Возникшие на пороге XX века химическая и авиационная промышленности участвуют в этом процессе, который, в свою очередь, способствует их развитию.

Исследования в области атомной физики привели к созданию ставшего революционным атомного оружия, обладание которым обусловило формирование нового подхода к вооруженным конфликтам. И не потому, что этим был положен предел человеческой изобретательности в области вооружений. Разрушительная сила ядерного оружия столь велика, что ставит под сомнение саму возможность ведения конфликтов с его использованием. Применение оружия такой поражающей мощи угрожает самому существованию планеты — и это гораздо серьезнее, чем использование средневековых арбалетов⁵⁵. Парадоксально, но т.н. ядерные державы мира избегают прямых вооруженных столкновений и отдают предпочтение ведению войны чужими руками с применением обычного оружия. Это выражается в поддержке одной из сторон, участвующих в кровопролитном конфликте местного значения, последствия которого могут быть глобальными. Поддержка осуществляется путем предоставления экспертов, традиционных вооружений и денежных средств.

Террор как вид оружия

Следует согласиться с тем, что впечатляющие технические достижения делают искусство ведения боевых действий, которое всегда предполагало определенные затраты, довольно дорогостоящим. Это объясняется тем, что армии приобретают все более государственный характер. В то же время, и у отдельных лиц и, особенно, у представителей этнических, религиозных и

⁵⁵ См. таблицу Т.Н. Дююи (Т.Н. Duiou), которую приводит в своей работе Лоран Мюравьек (Laurant Murawiec), *op. cit.*, pp. 74–75.

прочих меньшинств складывается впечатление, что они не вписываются в социальные рамки тех стран, где они живут. Чтобы заставить себя услышать, многие из них решают использовать такие методы, как хитрость или адресные действия, то есть вести «дешевую» войну, способную дать наилучший результат при наименьших затратах. Именно в эти рамки вписываются, например, многочисленные эпизоды такого всеохватывающего конфликта, каким явилась классовая борьба. Покушения террористов на самодержцев Европы, когда там еще преобладал монархический строй; революции, которые победили или потерпели поражение после Первой мировой войны; акты насилия, совершенные против представителей крупного капитала в период деколонизации — вот примеры такого рода столкновений. При всем своем разнообразии эта модель конфликтов развивалась, в соответствии со своей внутренней логикой эффективности, параллельно с господствующим мировоззрением. Среди первых жертв этих столкновений были люди, принадлежащие к высшим слоям и выделяющиеся на фоне представителей других групп общества, которое было пропитано духом социального неравенства; они обычно были тесно связаны с самим предметом конфликта. Постепенно, с возрастанием роли общественного мнения, выбор лиц, которые подвергались нападению, утрачивал свою адресность, поскольку они оказывали лишь едва ощутимое влияние на соответствующую ситуацию. Наконец, мишенью все чаще становились невинные люди, что позволяло повысить символическую значимость соответствующего акта и тем самым широко пропагандировать идею, за которую выступали совершившие его лица.

И хотя подобные акты повергали общество в шок (а именно в этом и состояла цель террористов), до конца 80-х годов прошлого века они все же оставались достаточно редким явлением. Следует согласиться с тем, что основные столкновения происходили в рамках конфликтов, получавших поддержку от одного из двух идеологических блоков, которые, со своей стороны, географически ограничивали распространение этих войн и контролировали уровень насилия. Одновременно СССР и США старательно избегали открыто вступать в конфликт друг с другом, осознавая, какой военной мощью они располагают и какие трагические последствия могло бы повлечь решение ею воспользоваться. Западные державы также идут по этому пути благоразумия, что позволило через двести лет после подписания Вестфальского договора — по окончании Второй мировой войны — снова заговорить о том, чтобы сделать войну несколько более гуманной...

Заключение

Когда после падения Берлинской стены коммунистический блок распался; когда после этого распада люди поверили в то, что мир вступил в эру свободы и уважения прав человека; когда наконец спонсирование вооруженных конфликтов XX века со стороны соперничающих восточного и западного блоков утратило свой смысл — именно тогда на авансцену выступил терроризм и все другие нетрадиционные методы ведения военных действий. Деструктурированный характер этих действий, их направленность против гражданских лиц и стремление вызвать панику среди населения резко контрастировали с тем относительным спокойствием, которое царило на Западе в течение пятидесяти лет. Неудивительно, что такого рода конфликты назвали новыми.

На деле, эти конфликты скорее новые по времени, а не по методам и средствам. Не являясь, к счастью, прямым продолжением классических столкновений отдельных государств, обладающих необходимым военным потенциалом, они все же несут в себе черты, унаследованные от прошлого. Некоторые из них вызывают в памяти войны, которые велись при старом режиме, когда нередко банды бродячих солдат грабили безоружное и запуганное население. Если говорить об относительно недавнем времени, то они характеризуются тем, что Поль Рикер назвал «ухудшением» практики войны, поскольку в них, по всей видимости, сочетаются все нарушения, к которым приводит современная эволюция вооруженного конфликта⁵⁶. Соответственно, эти конфликты можно рассматривать как воплощение двух традиций и выражение современного подхода к весьма древнему виду деятельности.

Итак, новые конфликты не имеют принципиально новых черт, их скорее следует называть современными и несущими печать породившей их эпохи. Они появились в период, когда ожидался «конец истории», а их расплывчатость отражает общее изменение национальных структур, сопровождающее появление глобализации. Если же говорить о тех, против кого направлены эти конфликты, то новые конфликты — явление, типичное для эры торжествующей демократии, уделяющей большее внимание человеку, и используют гражданских лиц в качестве инструмента для оказания политического давления.

⁵⁶ Paul Ricœur, «Imaginer la paix», *Le Monde*, 24 décembre 2002. В своем анализе Поль Рикер отмечает «ухудшение» войны с 60-х годов XX века, но не уточняет, что период, наступивший после 1939–1945 гг., а также XVIII век являются исключительными в истории вооруженных конфликтов.

Наконец, по используемым методам и оружию эти конфликты можно оценить как свидетельство того, что в настоящее время уже не существует традиционного представления о состоянии войны, когда все решалось в ходе ведения военных действия и используемого оружия.

С этой точки зрения, новые конфликты не столько пугают, сколько успокаивают. С одной стороны, не следуя направлению развития классических военных технологий, они прерывают процесс их развития, способный полностью уничтожить человечество. Более того, в них просматривается возвращение к методам, которые уже были испытаны в прошлом и могут быть использованы сегодня. К тому же, учитывая их столь явную связь с прошлым, нельзя говорить об их, как представляется некоторым, принципиальной новизне. Однако упрямство, с которым эти конфликты так называют, не совсем безобидно. Оно показывает, что в течение двух поколений жители Запада забыли о реалиях этого явления, которое старо как мир.